

Иванов Дмитрий Игоревич, Лакербай Дмитрий Леонидович

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ЛИНГВООРИЕНТИРОВАННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ

В связи с процессами, происходящими в современном гуманитарном познании, в статье ставится вопрос о метадисциплинарной теории "среднего уровня". Такая теория должна открыть потенциал универсализации в самих разнородных объектах - как их собственную эссенциальную характеристику. Для феноменов культуры и языка эта эссенциальность связана с антропологическим фактором. Ярким свидетельством реализации антропоцентрического подхода является лингвокультурология, объектом которой выступает взаимодействие культуры и языка, а основными единицами изучения - языковая личность и концепт. Разрыв между современной лингвистикой и семиотикой, основанной на прежних представлениях, может быть преодолен с помощью комплексной методологии, которая способна синтезировать семиотическое, социокультурное и когнитивное в рамках антропоцентрической парадигмы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 81-86. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, форма простого будущего времени (*Future Simple Tense*) передает структуральное знание говорящего. Вместе с тем, даже принимая при построении высказывания роль говорящего, человек не может исключить полностью указания на себя как непосредственного наблюдателя.

Список литературы

1. **Кравченко А. В.** Знак, значение, знание: очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. 242 с.
2. **Мамардашвили М. К.** Кантинианские вариации. М.: Аграф, 1997. 238 с.
3. **Сеченов И. П.** Элементы мысли // Сеченов И. П. Избранные произведения. М.: Учпедгиз, 1953. С. 59-84.
4. **Смирницкий А. И.** Морфология английского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 440 с.
5. **Якобсон Р. О.** Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 834 с.
6. **Hewson J.** The Cognitive System of the French Verb // Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. Vol. 147. P. 1-187.
7. **Klecha P.** Explaining why *gonna* precedes *will* in acquisition. Michigan: Michigan State University, 2007. 119 p.
8. **Records of sports commentary on the European Short Distance Swimming Championship on BBC1** [Электронный ресурс]: аналитические материалы. 2015. CD-ROM.
9. **Swan M.** Practical English Usage. L.: Oxford University Press, 2005. 658 p.
10. **Thomson A. J., Martinet A. V.** A Practical English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1997. 383 p.
11. **Tomasello M.** First steps toward a usage-based theory of language acquisition // Cognitive Linguistics. 2000. Vol. 11. P. 61-82.

FUTURE SIMPLE TENSE FORM IN THE ENGLISH LANGUAGE. BIO-COGNITIVE UNDERSTANDING

Zhulina Ekaterina Borisovna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg State University
minna80@mail.ru

Future Simple Tense form is understood as a means of adaptation to the environment at the moment of person's speech as the subject of cognition. It is concluded that this aspect-tense form represents the notion, the speaker's structuralist knowledge mostly abstracted from the original source of perception, rather than direct or indirect sensual experience of the observer. It is mentioned that a person cannot fully assume the role of an observer in the utterance construction.

Key words and phrases: bio-cognitivism; cognitive linguistics; observer; adaptation; perception; Future tense; Future Simple Tense form.

УДК 81.1; 008:361

В связи с процессами, происходящими в современном гуманитарном познании, в статье ставится вопрос о метадисциплинарной теории «среднего уровня». Такая теория должна открыть потенциал универсализации в самих разнородных объектах – как их собственную эссенциальную характеристику. Для феноменов культуры и языка эта эссенциальность связана с антропологическим фактором. Ярким свидетельством реализации антропоцентрического подхода является лингвокультурология, объектом которой выступает взаимодействие культуры и языка, а основными единицами изучения – языковая личность и концепт. Разрыв между современной лингвистикой и семиотикой, основанной на прежних представлениях, может быть преодолен с помощью комплексной методологии, которая способна синтезировать семиотическое, социокультурное и когнитивное в рамках антропоцентрической парадигмы.

Ключевые слова и фразы: антропологизм; метадисциплинарная теория; эссенциальность; когнитивная лингвистика; концепт; языковая личность.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент
Гуандунский университет международных исследований
Ивановский государственный университет
Ivan610@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н., доцент
Ивановский государственный университет
lakomotion@yandex.ru

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
И ЛИНГВООРИЕНТИРОВАННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ**

Как известно из закона перехода количества в качество, из теории парадигм научного знания Т. Куна [14], наконец, из жизненного опыта, накапливающееся новое знание не сразу дает возможность увидеть и оценить новые перспективы – нужна некая «критическая масса», чтобы возникла необходимая науке интуиция

нового горизонта. Настоящая статья ни в коей мере не претендует на какое-либо оспаривание уже сложившихся и доказавших свою эвристичность теорий, но является попыткой произвести первичную рекогносцировку этого рубежа, в чем и заключается ее актуальность и новизна.

В сфере гуманитарных наук всегда существует явный или скрытый неустрашимый конфликт, проступающий по мере бурного развития той или иной научной области. Человек, общество, язык, культура «сопротивляются» строгому номотетическому познанию, постоянно обнаруживают несводимость феномена к научной модели, что приводит к полипарадигмальности исследовательских подходов, многообразию прочтений и интерпретаций объектов познания. Однако этот «основной конфликт» имеет свойство воспроизводиться (в силу своей неустрашимости) и по мере дальнейшей спецификации знания, т.е. разделения большой научной области, например лингвистики, на новые дисциплины. Конечно, при этом идут и интегративные процессы междисциплинарного характера – именно так возникли когнитивная лингвистика и лингвокультурология – но сама идея выделения нового специализированного объекта для нового специализированного направления содержит в себе принцип возникновения более узких дисциплинарных рамок, новых границ. «Измельчение» способствует продвижению в глубь объекта, но так или иначе изолирует и формализует его, что в гуманитарной сфере создает значительный искажающий эффект. Естественно идущий процесс односторонней спецификации знания и познания должен постоянно уравновешиваться не просто интегративными связками, но «сквозными» теориями, способными работать не в меж-, а в *метадисциплинарности*, т.е. соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин.

Метадисциплинарная теория – одновременно большой соблазн и большая опасность. Чрезвычайно поучителен здесь – и для литературоведения, и для лингвистики – урок структурализма. Обобщивший опыт структурного анализа, выведший исследования на новый уровень, давший массу интересных результатов, структурализм оказался уязвим именно в том, что, казалось бы, составляло его силу, – в универсализме. Порок универсальной схемы не в том, что она не дает результата – напротив, она дает четкий результат, поскольку «степень организованности текста», «сложно построенный смысл» методически тавтологичны: характерная для гуманитарного познания оппозиция «феномен/модель» подменяется тавтологической парой «моделируемый объект/моделируемый смысл» (говоря попросту, что ищем, то и находим). «Моделируемый смысл» предельно таксономичен и безразличен к специфичности, оригинальности и органичности феномена; применительно, например, к литературному произведению такой абстрагирующий подход «переносит центр тяжести в исследовании текста с методики его адекватного смыслового описания на поиски моделей перекодировки его смысла» [30, с. 103]. В итоге – закономерные признания в утопичности проекта сциентистской переориентации: «... данные в лингвистике всегда окрашены социальными, культурными и индивидуальными параметрами, делающими невозможным их воспроизведение в многократно повторяемых опытах» [8]. Показательно возмущение известного лингвиста «старой школы» формулировкой Ю. Лотмана и Б. Успенского («Языковое своеобразие зрелого Пушкина с известным огрублением может быть выражено формулой: галло-русский субстрат+славянорусский суперстрат. Эта формула, думается, и определяет вообще последующее развитие русского литературного языка» [17, с. 254]): «... насколько формализовано, выхолощено и в итоге искажено может быть понимание сущности литературного языка как явления национальной культуры» [5, с. 42]. Это не камень с нашей стороны в огород классиков отечественной филологии, а констатация опасности «методологической машины» универсальной теории, абстрагирующей тем сильнее, чем к большему числу разнородных объектов она применяется. Соответственно, искомая метадисциплинарная теория должна не *привнести* извне, а *открыть* потенциал универсализации в самих разнородных объектах – как их собственный неотчуждаемый план, их собственную эссенциальную характеристику. Данное соображение умеряет универсалистские претензии теории (рефлексия диапазона применимости и эвристичности), но усиливает объяснительный потенциал.

Для феноменов культуры и языка эта эссенциальность очевидным образом связана с антропологическим фактором: в языке существует субъективность, т.е. «способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, отражающаяся в самом языке в виде особой черты его устройства <...> За субъективностью вскрывается, таким образом, еще более общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. <...> эту черту лингвистической концепции можно назвать антропоцентрическим принципом» [22, с. 50]. Новые научные направления, фундаментом которых является данный принцип, не только эвристичны в плане спецификации объекта, но и обладают значительным метадисциплинарным потенциалом.

Язык, будучи «интерпретантом всех семиотических систем», единственной из них, способной «категоризовать и интерпретировать всё, включая и самого себя» [2, с. 86], в принципе не схватывается определениями, даже метафорическими: он и «живой организм», и «система правил», и «устройство для перевода глубинных структур в поверхностные», и «зеркало сознания», и «хранилище опыта», и «оболочка смыслов в виде дома бытия» [10, с. 3]. *Антропологизм* в лингвистике – это опора на те начала в языке (коллективные и индивидуальные), которые несут печать субъекта речевой деятельности, а не только обезличенной языковой системы. «Прагматическим следствием» этой деятельности в значительной мере и оказывается национальная культура.

Движение от системно-структурного языкознания к антропоцентрическому едва ли можно представить в виде прямой линии – ни одно из направлений далеко не исчерпало себя, а само движение во многом осмысливается через метафору «возврата к корням»: «Нам еще предстоит восхождение к В. Гумбольдту и А. А. Потебне, а также другим языковедам, идеи которых оказались весьма созвучными новейшим лингвистическим теориям» [Там же, с. 4]; характерной в этом плане является современная интерпретация трудов В. И. Даля как

«лингвокультурологической диалогии» [См.: 27]. Иными словами, становление антропоцентрической парадигмы – процесс глобальный и многоплановый (от «языка в себе и для себя» к «человеку в языке» и «языку в человеке», к системе «личность – культура – социум» и т.д.), *восстанавливающий* (ибо язык «принадлежит самому определению человека» [2, с. 293]) исходные глубинные философские интуиции лингвистики («...тщательное изучение языка должно включать всё, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [6, с. 377]) и в то же время выводящий ее в такое пространство, где она способна дать *новое прочтение* многих сторон человеческого бытия. Не случайно так богата палитра взаимосвязанных направлений в рамках лингвистической антропологической ориентации: «...лингвоносеология (когнитология), лингвососоциология, лингвопсихология, лингвоэтнология, лингвопалеонтология и, наконец, лингвокультурология, направленная на изучение взаимоотношений языка и культуры» [19, с. 29-30].

Ярким свидетельством реализации антропоцентрического подхода в современном гуманитарном познании является лингвокультурология, объектом которой выступают конкретные факты культурного сознания, «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности» [4, с. 38]. Общий принцип этого взаимодействия удачно, на наш взгляд, сформулирован В. Н. Телия: «...языковой знак, когда он выполняет роль “тела” для “концептов” языка культуры, выступает как знаковая их презентация в целом, но при этом языковой знак в пространстве системы языка не утрачивает своих “первоприродных” функций языковой номинации и коммуникации» [25, с. 93]. Язык предстает участником культурного творчества, поэтому на первый план выходит «роль человеческого фактора в языке, вместо опоры на форму появляется опора на содержание, не на механизм, лежащий в основе языка, а на его применение» [3, с. 65]. Сам прагматический аспект языка – сфера достаточно дискуссионная (мыслимый, например, и в пределах грамматики, и за пределами языкового описания вообще [7, с. 368-369]; обсуждаемый в плане неудовлетворительности термина «прагматика» для характеристик новой парадигмы лингвистики [20, с. 216-224]), но важен прежде всего реальный характер этого «применения», что ведет к опоре на экстралингвистические данные и данные смежных наук и ставит вопрос о методологии (по определению комплексной, т.к. лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа» [4, с. 38]). Здесь необходимо прояснить несколько моментов.

1. Первый – угроза субъективизации объекта и методологии (извечная опасность в силу родовой характеристики гуманитарного знания), вполне могущая лишить научной основы лингвистические данные (вспомним и без того сложное отношение к доказательности в лингвистике). Такая опасность существует – однако феномены культурного плана в принципе не поддаются жесткой схематизации *именно как феномены*, т.е. как культурное или эстетическое *целое* в многообразии своей внешней и внутренней связности, своей каузальности, значимости и т.п. (что не мешает изучать, скажем, «структуру мифа»), поэтому «при обсуждении проблем и перспектив “культурологической семантики”, то есть семантики, занятой толкованием культурообразующих концептов, из аргументов “за” или “против” следует заранее исключить упреки в избытке культурологии или в недостатке лингвистики» [29, с. 7]. Иными словами – помня об опасности субъективизации, при изучении культурно-языковых объектов необходимо тем не менее исходить из смысловых реалий, а не системных правил (применение последних требует обоснования, а не наоборот), из полноты феноменального, а не из схематичности номенального.

2. Второй момент – требующее (несмотря на кажущуюся ясность общих принципов) постоянной теоретической рефлексии объектное и методологическое «поле» контакта собственно-лингвистического, когнитивного, социального, культурного внутри самой антропоцентрической парадигмы: не только необъятность и гетерогенность объекта/объектов исследований, но и корреляция порой резко различающихся принципов научной дескрипции представляет собой долгосрочную проблему. Так, ряд статей представительного сборника «С любовью к языку» раскрывает сложные реалии функционирования языка именно с учетом новой теоретической перспективы, ревизирующей традиционные представления (см., напр.: [1]). Не случайно И. А. Стернин, рассматривая сложные вопросы соотношения когниции и коммуникации, по сути, отмечает характерный для новой парадигмы тип знания – вероятностный: «...упорядочивание осуществляется нежестко, вероятностно, многие категории взаимно накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом – явление, характерное для всех когнитивных категорий» [23, с. 50]. А Н. Б. Мечковская, развивая семиотические представления, отмечает, что естественный язык, будучи первичной вербальной семиотикой, «выступает как естественная пропедевтика овладения более сложной семиотикой словесных искусств»; по генезису и своим свойствам он является кросс-семиотическим посредником в пространстве всех прочих семиотик [18, с. 60]. Полноправное вхождение семиотических представлений, игравших ведущую роль на предыдущей, структурно-семиотической стадии, в новую парадигму, безусловно, придает ей более широкий и всесторонний характер, знаменует преемственность на новом уровне: «...среди наук когнитивного смысла очень редко упоминается семиотика. Такое положение дел представляется тем более парадоксальным, что некий семиотический фон прослеживается уже у первых ученых, стоявших у истоков когнитивизма» [12, с. 283].

3. Семиотика культуры, выросшая из работ представителей Тартуско-Московской школы, рассматривает «взаимодействие разноуровневых семиотических систем, внутреннюю неравномерность семиотического пространства, необходимость культурного и семиотического полиглотизма» [16, с. 129]. Одной из ключевых характеристик культуры становится текстоцентричность, которая порождает представление о культуре как о комплексе различных взаимодействующих между собой знаковых систем, составляющих неоднородное, многослойное, перманентно трансформирующееся семиотическое текстуальное пространство. Понятие текста начинает употребляться «в специфическом семиотическом значении и применяется не только к сообщениям

на естественном языке, но к любому носителю целостного (“текстового”) значения – обряду, произведению изобразительного искусства или музыкальной пьесе» [15, с. 215]. Знаковой, семиотической природой могут наделяться любые предметы и фрагменты объективной действительности и культуры. Знак – это строительный материал виртуализованной реальности и пространства культуры.

Соответственно, современная культурология в широком смысле – это в значительной мере культурно-семиотические исследования, целью которых является описание разнообразных «языков» культуры и дешифровка соответствующих текстов. Однако, как справедливо указывает И. Е. Фадеева, опорная семиотическая модель Соссюра, предполагающая разграничение кода и сообщения, первичность языка (кода) как системы по отношению к речи, наличие бинарных оппозиций как основание значения, сегодня нуждается в корректировке, чтобы преодолеть разрыв между современной лингвистикой и семиотикой, основанной на прежних представлениях. Культура – не просто совокупность или система дешифруемых артефактов, ключевым понятием здесь мыслится понятие социокультурного семиозиса: «...культурология как наука, основанная на междисциплинарном, системно-комплексном анализе сложного, саморазвивающегося целого – человеческой культуры, должна в своем семиотическом аспекте связать по крайней мере три научно-исследовательских подхода: собственно семиотический, социокультурный (с учетом теоретической социологии), когнитивный» [26, с. 214-215]. Как видим, движение в общем направлении может идти – и идет – с разных сторон, о чем справедливо писала еще 20 лет назад Е. С. Кубрякова: противостоящие «генеративной парадигме» школы и направления «демонстрируют все признаки сближения позиций и создания *новой интегральной парадигмы знания* – функциональной по общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей в своей установочной части выходы <...> за горизонты той жестко организованной и по преимуществу формализованной концепции языка, какой является генеративная парадигма знания» [13, с. 230].

Положение же о синтезе подходов имеет для нас принципиальную важность, обозначая необходимость построения такой (используя вслед за Р. М. Фрумкиной определение Р. Мертона [28, с. 77]) «теории среднего уровня», которая, опираясь на вышеописанные общеполитические представления, синтезировала бы семиотическое, социокультурное и когнитивное в рамках антропоцентрической парадигмы. Таких теорий, или, по выражению Р. М. Фрумкиной, «частных эпистемологий» [Там же, с. 74-77], должна быть не одна (учитывая объектно-методологическое многообразие) – но каждая из них должна обладать свойством *метадисциплинарности*, чтобы соответствовать богатству культурно-языковых феноменов, их собственному *синтезму*. (На наш взгляд, в лингвокультурологии уже есть еще недостаточно оцененная пионерская разработка подобного характера – концепция *лингвокультурной ситуации* В. М. Шаклеина [31].) Нам представляется, что сейчас, после двух десятилетий движения под знаком новой парадигмы, настало указанное Р. М. Фрумкиной время: «Чтобы почувствовать потребность в постановке эпистемологических проблем, надо усомниться в очевидностях. Чтобы очевидности перестали быть таковыми, надо систематически размышлять о предмете своей науки, т.е. заниматься методологической рефлексией» [28, с. 77].

4. Новый подход к языку подразумевает и повышенное внимание к личности, являющейся его носителем и творцом, субъектом языка и субъектом культуры одновременно. В сфере лингвистики наиболее разработан личностный аспект культуры в лингвокультурологии – в термине «языковая личность», введенном в науку еще В. В. Виноградовым, но получившем развитие и широкое применение после основополагающих трудов Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова: не представляется возможным «познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю – к человеку, к конкретной языковой личности» [11, с. 8]. Поскольку личность не просто действует, но творит, культура и язык выступают как результат деятельностного отношения человека (личности) к миру. «Следовательно, “культурная личность” и “языковая личность” – не суть различные, а суть тождественные (или скорее – однородные) понятия, закономерный синтез которых происходит в рамках лингвокультурологии...» [9, с. 39]. Обладающая культурно-языковыми компетенциями (владение установками культуры, с которыми говорящие способны оперировать и с которой себя идентифицируют), культурно-языковая личность предстает как «полифонический носитель языка, находящийся как бы “внутри” когнитивно-языковых систем интерпретативной переработки, концептуализации и лингвокреативной <...> обработки информации, принадлежащей предметной области культуры, но воплощенной в формы языковых знаков» [24, с. 27].

5. И, наконец, последний момент. Культурная (языковая) личность художника слова в лингвокультурологии обычно рассматривается сквозь призму концептов, которые воспринимаются как результат культурных знаний и представлений человека, поскольку эмоционально и интеллектуально переживаемый концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [21, с. 43]. Однако все ли «концепты языка культуры» вербальны в самом становлении и функционировании культурного феномена? Поскольку концепт – феномен когнитивный, *находящийся* выражение в языке, а не живущий *только* в нем, ответ очевиден – нет. Они *могут быть* вербализованы – но могут продуцироваться и развиваться в иных, невербальных семиотических зонах. Современные теоретические представления позволяют изначально развести когнитивное и языковое – отношения между ними никак не являются однозначными: «Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется при участии языка <...> однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов)» [23, с. 47].

Выводы

Естественно идущий процесс односторонней спецификации знания и познания должен постоянно уравновешиваться не просто интегративными связками, но «сквозными» теориями, способными работать не в меж-, а в *метадисциплинарности*, т.е. соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин.

Метадисциплинарная теория должна не *привнести* извне, а *открыть* потенциал универсализации в самих разнородных объектах – как их собственный неотчуждаемый план, их собственную эссенциальную характеристику. Данное соображение умеряет универсалистские претензии теории (рефлексия диапазона применимости и эвристичности), но усиливает объяснительный потенциал. Для феноменов культуры и языка эта эссенциальность связана с антропологическим фактором.

Становление антропоцентрической парадигмы – процесс глобальный и многоплановый. Ярким свидетельством реализации антропоцентрического подхода в современном гуманитарном познании является лингвокультурология, объектом которой выступают взаимодействие культуры и языка и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности. Существующий разрыв между современной лингвистикой и семиотикой, основанной на прежних представлениях, должен быть преодолен с помощью комплексной методологии, своеобразной «теории среднего уровня», которая синтезировала бы семиотическое, социокультурное и когнитивное в рамках антропоцентрической парадигмы.

Список литературы

1. **Архипов И. К.** Почему слово – центральная единица языка // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 36-44.
2. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / пер. с франц. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. **Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
4. **Воробьев В. В.** Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
5. **Горшков А. И.** Литературный язык и литература (статьи по истории и теории литературного языка). М.: Изд-во Литературного института, 2007. 192 с.
6. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
7. **Демьянков В. З.** Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 368-377.
8. **Живов В.** Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения [Электронный ресурс] // НЛО. 2009. № 98. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/zh5.html> (дата обращения: 15.10.2016).
9. **Зыкова И. В.** О личности: лингвокультурологические заметки // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст., посвященных памяти В. Н. Телия / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, М. Л. Ковшова, И. В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 32-47.
10. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
12. **Кубрякова Е. С.** О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / РАН, Отделение литературы и языка; отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283-292.
13. **Кубрякова Е. С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / ред. Ю. С. Степанов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 142-238.
14. **Кун Т.** Структура научных революций / пер. с англ. М.: АСТ, 2009. 310 с.
15. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
16. **Лотман Ю. М.** Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 129-132.
17. **Лотман Ю., Успенский Б.** Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение: сб. науч. тр. / отв. ред. Б. М. Гаспаров. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 168-322.
18. **Мечковская Н. Б.** Центральный фрагмент семиотического континуума: оппозиция «искусство – литература – язык» // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 52-61.
19. **Постовалова В. И.** Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25-33.
20. **Степанов Ю. С.** В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985. 335 с.
21. **Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
22. **Степанов Ю. С.** Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 313 с.
23. **Стернин И. А.** Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 44-52.
24. **Телия В. Н.** Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19-30.
25. **Телия В. Н.** Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 89-97.
26. **Фадеева И. Е.** Культурная идентичность как семиотическая проблема // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4-х т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. Т. 1. Теория культуры. С. 214-222.
27. **Фархутдинова Ф. Ф.** Лингвокультурологическая диалогия В. И. Даля в парадигме идей и направлений современной русистики: дисс. ... д. филол. н. Иваново, 2001. 416 с.
28. **Фрумкина Р. М.** Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / ред. Ю. С. Степанов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 72-115.

29. Фрумкина Р. М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 1. С. 3-10.
30. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
31. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.

ANTHROPOCENTRIC PARADIGM AND LINGUISTICALLY ORIENTED HUMANITARIAN THEORY

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies
Ivanovo State University; Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

Considering the processes occurring in the modern humanitarian knowledge the article raises the problem of meta-disciplinary "middle-level" theory. Such theory should discover the universalization potential in the completely heterogeneous objects – as their own essential characteristic. In relation to the phenomena of culture and language this essentiality is associated with anthropological factor. The striking example of anthropocentric approach realization is linguo-culturology which is focused on the interaction of culture and language and whose basic research objects are the linguistic personality and concept. The gap between the modern linguistics and semiotics based on the outdated conceptions can be overcome by the complex methodology capable to synthesize the semiotic, sociocultural and cognitive within the anthropocentric paradigm.

Key words and phrases: anthropologism; meta-disciplinary theory; essentiality; cognitive linguistics; concept; linguistic personality.

УДК 811.11-112

В данной статье рассматривается процесс диверсификации английского языка как языка глобальной коммуникации, что является основным объектом изучения вариантологии. Автор анализирует ряд отличительных синтаксических особенностей русского варианта английского языка (Russian English): порядок слов в предложении, особенности употребления некоторых вопросов, отрицательные предложения и синтаксические комплексы. Особый акцент в статье делается на факторах, под влиянием которых формируется синтаксис английского языка, используемого в России.

Ключевые слова и фразы: синтаксис; вариативность; порядок слов; синтаксические комплексы; грамматическая интерференция; мезолект.

Ионина Анна Альбертовна, к. филол. н., доцент
Московский городской педагогический университет
annaionina@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО В РОССИИ

Довольно значительный период времени в лингвистической науке существовал взгляд на грамматический строй языка как на наиболее устойчивую, не подверженную изменениям в процессе лингвистического контакта систему.

Действительно, это общеизвестный факт, что грамматическая система языка, в отличие от лексической, является жесткой системой значений и форм с присущей ей иерархией классов, подклассов, определенных уровней и, в силу этого, гораздо более устойчивой к внешним влияниям. Мнение об устойчивости структуры языка в условиях языковых контактов исторически коренится в различении Ф. де Соссюром «внутренней» и «внешней» лингвистики. Считалось, что в то время как такие уровни языка, как фонетика и лексика, испытывали давление со стороны других языков, грамматическая система обладала высоким «иммунитетом» к кардинальной реконструкции. Лексика как наименее структурированный уровень языка более всего подвержена экстралингвистическим изменениям и наиболее проницаема для внешних воздействий [3, с. 117]. Среди внеязыковых причин изменения самым действенным называют языковой контакт, возникающий в результате миграции и взаимодействия народов. Ведущие британские эксперты в области контактной лингвистики утверждают, что любая составляющая часть языковой системы может быть позаимствована и изменена, включая и грамматическую. Грамматическая интерференция выражается в заимствовании морфем и синтаксических структур, в изменении порядка слов и грамматических значений, хотя и отличается от интерференции на уровне фонологии и лексики. Грамматические изменения становятся очевидными лишь по прошествии долгого периода времени, тогда, когда они уже зафиксированы в письменном языке под сильным влиянием культурного давления [14, р. 387].

Стремительные перемены в мировой демографии, в экономической и политической жизни мира, развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI века сделали современный английский язык не только